

Роман Цай

**В спальном, даже
провинциальном районе
большого города**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Цай
В спальном, даже
провинциальном
районе большого города

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42667143
SelfPub; 2019*

Аннотация

История негодяя, пьяницы и вообще нехорошего человека, которому, впрочем, есть что сказать. Содержит нецензурную брань.

Сомнительное заведение

*«Вся жизнь – театр,
да жаль, репертуар из рук вон плох»*

О. Уайльд

В этот пятничный вечер бар был забит под завязку. Светомузыка ослепляющими вспышками неслась по танцполу в такт бухающим басам. Бум-бум, тум-тум-тум. Это была не музыка, а какая-то первобытная тень музыки: её мелодия стала сверлящим шумом, подчиняющимся грубому закону такта; её энергичная ярость в экстазе и гневе рвалась наружу, подобно воинствующей толпе. И будто боевые барабаны каннибалов стучали прямо по сердцу, резонируя с ним. Изнутри даже воздух напоминал огромный пульсирующий сгусток энергии.

– Девушка, стойте, нам не бокал, нам бутылку, андерстенд? – мне всегда нравилось, как зашуганные официанты тупели, стоило их оторвать от собственных раздумий – главное подгадать время.

– Девушка, что за шот? Давайте сюда! Подождут! – я выхватил из подноса чей-то чужой заказ.

Крепкие коктейли вышибали мозг похлеще крупнокалиберного оружия. И мне это нравилось! Мне вообще нравилось всё от разношерстной публики с нетрезвыми, – восхитительными в своём безумии глазами, облюбовавшей танцпол, до едва разборчивой музыки. И естественно я упивался молодыми красивыми пышногрудыми прелестницами. В

особенности теми, чей язык тела вовсю вопил в пользу случайных связей. Кроткими бессознательными движениями они выдавали себя с потрохами. То, как из них сочилось желание легко читалось в сексуальных танцах, жестах, мимике, взглядах, в плохо скрывааемым парфюмом запахе. Сладострастие похоти. Как люблю в ней утопать! В редкие моменты удачи я мог поймать за хвост далеко не одну развратную пташку. Особенно прельщали официантки. Не увлеченные страстью, порой они готовы на все за кругленькую сумму и сделают именно так, как хочу Я. И, глупенькие, даже не знают расценки! По моей личной статистике каждая вторая нетнет, да продешевит.

– Тост! Мужики, предлагаю тост! – стараясь перекрыть шум, прохрипел окосевший дружбан. – За пятницу!

Четыре бокала устремились вверх с ответным «за пятницу!»

Без особого энтузиазма я чокнулся с приятелями молча, предпочитая не поздравлять засранцев с обычным днём недели. Чему радоваться? Что лишь одним из семи они могут жить на полную катушку? Так себе повод. Не скрою, в их компании было ужасно скучно. Офисные неудачники и неудавшиеся "продажники" старались скрасить свою угнетённую компашку напускным весельем и спиртным. Что касается меня – занесла нелёгкая на автопилоте прочь от гнилого общества моей очаровательной невесты.

– Вань, что за шот? – всё с той же хрипотцой Стас обра-

тился ко мне. "Иван Алексеевич, убожество", – поправил я его про себя.

– Не знаю, догони её, пристройся сзади и прохрипи своим стрёмным голосом на ухо: "дорогая, это чё было?" – возможно, со стороны моё высказывание звучало несколько надменно. Но ничего – со Стасом можно и похлеще. Стерпит. Зароет голову в песок и сделает вид, что ничего не было.

Полгода назад я самолично уволил Стаса с мелкой должности. А он то ли забил, то ли всё ещё пытался мне что-то доказать. Только мне всё равно. Увольнял я его не из-за навыков или некомпетентности, а из-за жутко раздражительной малодушной манеры общения. Кроме того, в тот день мне было просто необходимо на ком-нибудь сорваться. Трудно поверить, что сегодня я тут. Поднимаю бокал за его новую работу в "серьёзной" фирме, которая вот-вот рухнет к чертям собачим. Откуда это знаю? Видел расчётные документы (специфика *моей* профессии подразумевает заниматься такими вещами). Но Стасу об этом знать совсем не обязательно.

– Как жена, дети? – я хотел немного сгладить напряжение после надменной выходки. Стас всегда тает, стоит упомянуть его семью.

– Ира тоже работает, дети в школу ходят. Всё потихоньку налаживается. Если бы мои балбесы еще и оценки хорошие получали... – дальше я его не слушал. Думал, когда это он охрип? Может, детишки с женой замучили, а может, зарабо-

тал что-то хроническое на своих шабашках?

Всего лишь отвлечённые размышления, а насколько занятнее его занудных монологов! Серых, как и он сам, как и его семья, как и вся его никчёмная жизнь! С другой стороны, что Стас забыл в этом злачном местечке? Не помню за ним ни пристрастия к спиртному, ни к шумным балаганам, ни внимания к нимфам. Для него будто никого больше не существовало, кроме своей благоверной и спиногрызов. Да ладно – моё ли дело? Подозревать в чём-нибудь это жалкое существо перебор даже по моим меркам. А ведь я с ним работал. А ведь знаю его с детства...

– ...В общем, начинаем планировать отпуск. Ещё он нескоро, но всё же...

– Стасик, ещё слово, и я в тебя бутылкой брошу! Ты чё сопли развесил?! Иришка, детишки! Мы отдыхаем, или где? – Боря словно снял с языка. Очевидно, не один я поддался заразительной скуке неуместного рассказчика.

Боря человек вообще языкастый. Он верно нашел свое призвание в продажах, пускай что убогих. Ему бы на рынке арбузами торговать в обнимку с айзерами. Не больше. Что-то в нём есть такое заискивающее и отталкивающее. В большом мире воротил подобные качества всё равно что привычка взрывника прикуривать от зажжённой петарды. Но нет же, у Бори, понимаешь ли, амбиции... Однажды он пытался привлечь меня как сторону заказчика, и даже вел переговоры о крупной поставке. Объём и прибыль сулили ему до-

статок. На рынке стройматериалов свои тонкости: тут откат, там спецификации, логистика, заранее учитываемые потери, в конце концов. Но и с этим нужно УМЕТЬ грамотно работать. Боря же взялся за всё с изяществом неандертальца. Мне просто ничего другого не оставалось, кроме как отказаться от сделки в последний момент. План поставок был дырявым как решето. Этот баран начал воплощать свои схемы ещё до поступления предоплаты. Вот и получил: депремирование и увольнение по статье за хищение. Не скажу, что я тому был рад (ещё как!), но Боря сам напрашивался на большой щелчок по носу. Он сунулся в непрофильный, чуждый для него рынок, за что и поплатился. Был бы умнее, смог бы выпутаться из ситуации и не только сухим – и урвал бы что-нибудь. Факт, что он остался у разбитого корыта, лишь доказывает мою первоначальную гипотезу – он ещё тот баран. Поскольку гипотеза подтверждена, не вижу смысла возражать.

Дурак есть дурак. Дураку свойственно в собственных ошибках обвинять других. Возможно, даже самых безнадежных личностей в жизни хорошо выручает подвешенный язык. Но, позвольте, не может же он выступать оправданием для безвкусицы. Боря в этом плане демонстрировал воистину креативный размах: дешёвая мятая китайская подделка вместо нормальной брендированной рубашки (ох уж этот трёхлапый крокодилчик), пиджак не по размеру и будто из дедушкиного шкафа, на руке подобие "роликсов" из разноцветной пластмассы, устаревший покоцанный смартфон

с криво наклеенной картинкой надкусанного яблока. Даже Стас в не проеденным молью серо-буром свитере и затёртых брюках выглядел уместней. Элементарно естественнее! Вот как такому человеку, как Боря, без смеха доверить четыреста пятьдесят шесть миллионов семьсот сорок три тысячи вечно деревянных? Разве что заранее подписать на дорогостоящую шутку и вбить ему в голову простейшие схемы, на которые он поведётся. Что я и сделал.

Четвертого компаньона я не знал. Товарищ припёрся в заведение с Борей и очевидно им же приглашённый. Он не особо участвовал в общей беседе, лишь сдержано улыбнулся на замечание относительно занудства Стаса. Как его зовут, я не имел понятия. Наверняка где-то работал вместе с Борей или жил с ним по соседству. Прикид товарища был ярок: фиолетовая клетчатая рубашка поверх футболки с принтом "cool guys don't look on explosion" и драные джинсы. Интересная опечатка, подумал я, – «парни» на английском пишутся по-другому. Несмотря на неопрятный вид (включая растрепанные кудрявые волосы без намёка на какую-либо причёску) его гардероб "дышал" индивидуальностью. По одному этому признаку я больше симпатизировал ему, чем двум старым приятелям вместе взятым. Воспользовавшись заминкой Стаса, он обратился ко мне:

– Классный костюм.

– Спасибо. Скроен по индивидуальному заказу из хлоп-ка для особых случаев. Цвет был подобран таким образом,

чтобы идеально сочетался со слабым неоновым освещением. Видишь синеватые отливы? Так и задумано.

– Недёшево, наверное, стоит.

– Не дороже хорошего впечатления, – я наградил товарища приветливой улыбкой. – Как тебя зовут, напомни.

– Кирилл.

– Кирилл, подскажи, вы с Борей работаете вместе? – я взглянул в сторону старых приятелей, которые завели словесную перепалку.

– Да, в одной фирме. Только я по IT.

– Насколько я знаю Бору, он не слишком придирчив в выборе работодателя. Прошу, поделись, чем вы там занимаетесь?

– А хрен его знает. Что-то выпускаем, что-то продаем. Мне главное, чтобы проблем с серверами не было, и чтобы компы пахали, а на порнухе стоял непрерывный бан, – Кирилл своей непосредственностью нравился мне все больше и больше. – А ты типа генерального?

– Заместитель. Я заместитель генерального.

– Мне всегда было типа интересно, чем занимается высшее руководство?

– Ведем невидимую войну с конкурентами, бюджетами и дуростью рабочих, – он недоверчиво уставился на меня пьяными подкосевшими глазами.

– Вот прям все подчинённые, по вашему мнению, дуростью занимаются? Нет, я просто понять хочу – моё началь-

ство в технике ничерта не шарят, а дебилом меня выставляют. Типа я за зря зарплату получаю. Вот как тут? – в рабочее время в своей манере я бы ответил: "Что-то не нравится? Выход там!" Но тут обстановка была совсем иной.

– Устрой диверсию и сматывайся на больничный. Или в отпуск. Поверь, прям сразу вырастишь в их глазах, – да уж, вредные советы – мой конёк.

– Ладно, не будем о грустном. Боря как-то упомянул, что ты официанток "снял"?

– И?

– Это правда? В смысле, как на трассе, типа: "Сколько? Там, за классику, за то и это?"

– Слухи и спекуляции, – Борис и прежде не блистал сдержанностью, но на этот раз растрепал о личном! – Скажи, тебе было бы приятно, если бы, скажем, в компании близких в ресторане вам подносили еду и напитки личности с букетом венерических?

– Естественно нет.

– Ну вот! Девушки зарабатывают на хлеб тяжелым и честным трудом. Какой им смысл заниматься проституцией? Приветливы они не потому, что хотят тебя, а потому что без чаевых их зарплата – копейки.

– Извини, сказал, не подумав, – Кирилл поднял руку, чтобы похлопать меня по плечу, но вовремя опомнился и положил её на прежнее место. – Было бы мерзко, если бы так говорили про мою жену или сестру, если бы та работала бы в

сфере общепита. И будь у меня, конечно, сестра или жена.

– Не запаривайся – семейная жизнь невероятно скучна.

– А как же семейные ценности?

В ответ я слегка улыбнулся, извинился и удалился к барной стойке. Кирилла пришлось оставить в обществе идитов, безостановочно предъявляющих друг другу нелепые претензии. Я был не против нового знакомого, только он невзначай напомнил мне мою основную цель сегодняшнего похода в кабак. А именно четыре «с»: спонтанный страстный случайный секс.

У стойки былолюдно. Разгоряченная молодежь толпилась и беспрестанно галдела, попутно пытаясь привлечь внимание бармена. Среди прыщавых юнцов, переживающих период полового созревания, в потоке незрелых гормонов молоденькие девушки казались просто-таки живительными островками. Они, уже познавшие свою сексуальность, ощущались (и будто бы до неприличия близко) ещё более живыми и желанными. Прислонившись к размалёванной стене с бокалом в руках подальше от оголтелой публики, я ловил на себе взгляды: любопытные и завистливые, смелые и кроткие, с интересом и вызовом.

Кто-то может ошибочно считать, что такое внимание я вызвал к себе нарочито демонстративной состоятельностью (по сравнению с остальными мой костюм и впрямь выглядел как Феррари). Чушь! Не путайте зарницу с танцами. Дело в личности. Деньги всего лишь инструмент, способ проявить пре-

восходство. Дайте дураку миллион, дураком он и останется. Да и богатым недолго – на такие случаи есть люди гораздо хуже меня. Но те же, кто своё заработал, кто достоин, тот не вякает про бред о всеобщем равенстве и прочей приторной жвачке. Несгибаемая вера в себя, в свои силы, в свой успех априори ставит на ступень или же на целый пролёт выше подавляющего большинства аборигенов, не знающих чем себя занять. Кто-то бестолковый и бездарный когда-то придумал «бесценное» и расплывчатое понятие, как личность, вцепившись в неравный бой с системой Маслоу, и все подхватили. Мысль-то приятная до одури. И всё равно нет-нет, да поглядывают в сторону лучших, успешных. За кем бесспорное превосходство. Одной частью своей хиленькой души народ ненавидят таких до истомы, другой упрасивает откровений. И тут будто включается фонарик в царстве тьмы, притягивающий неуверенных, слепых мотыльков. "Как ты этого достиг?" Почему-то все хотят простой ответ. А кто-то напротив – всё усложняет: ловит каждый вздох, каждую фразочку, каждый ответ ставит в милую рамку кавычек и подписывает цитатой имени ЕГО. И словно хочет дотянуться до света ЕГО, но по факту лишь пытается одинокой свечкой осветить концертный зал. И непременно обожжёт свои серые крылышки, не понимая главного – ОНИ свечек не держат.

В неприметном углу бара чудным образом прошмыгнула картинка из прошлого. Какое-то наваждение. И ничего бы

примечательного, но я не привык цепляться за каждого знакомого. Правило для меня едино и к торжественным вечерам и к случайным встречам на улице/в переходе/в общественном транспорте (которым не пользуюсь). И дело не в скромности, просто не люблю пустую болтовню. Бесплезная трата времени. Но в этот раз невидимая рука схватила за что-то очень глубокое и прям-таки потащила за призраком прошлого в сторону дальнего углового столика. Показалось. Всего лишь девушки в простецких платьях цедили коктейли из мартинок. По возрасту близко к тридцатке. Не мой сорт. Что ж, и на старуху бывает...

– Ваня?

– Наташа?

Перед глазами словно заработал проектор, транслирующий картинку давно минувших дней. Вот тебе и показалось...

Как мы развлекались

*«Что нам стоит
стырить поезд?»*

Древнеримская поговорка. Наверное.

Всё началось лет десять тому назад, а то и все двенадцать. Была поздняя весна и самая жаркая за последние несколько лет.

Мне шестнадцать. Пубертат в полном разгаре неприятным образом изматывал нервы. Однако я старался держать

себя в руках. Дело в том, что не люблю насилие. Никогда не понимал разговоров, что насилие якобы заманчиво само по себе. Так могут ошибаться только те, кто сами страшатся его подобно смерти: представляют как первородную силу, сравнимую с жадой или похотью. Неудачники с зарубцевавшими черточками на заднице. Нет – насилие лишь инструмент. Гаечный ключ, подтянуть разболтавшееся своеволие. Или сколотить свой пьедестал на иерархии власти. И не говорите, что такие желания вам чужды. Порывы стать больше, превознестись над челами пульсирует очень глубоко у каждого: от солдата до послушника.

Но чтобы что-то в том достичь, необходима железная воля. Вот вам и другое применение насилия – смазать проржавевшие шестерёнки механизма превосходства.

Всё так просто? Чёрта-с-два! Может когда-то и мерились размером дубин, но в итоге победили легковесные заострённые копья. А в социуме всё и подавно запутаннее. Тут нужно быть прытким, гибким, ушлым и хитрым. Но более того, высокомерным. Высокомерие держит внутреннюю дисциплину и не даёт пасть, потворствуя слабостям, ступенью ниже. Зачем опускаться к уже преодолённому? Голову выше и хватку крепче. Поверьте, люди такое ценят.

И, казалось бы, а есть ли предел? Ну как... Постоите в спарринге с профессиональным бойцом. Хрен выстоишь! А когда-нибудь всё равно да придётся упасть. Главное не пропустить поражение через себя. Вот скажите, кто с уверенно-

стью станет говорить о проигрыше? Гордиться тем, что опустил руки? Нет же, вступают отговорки: то обстоятельства, то "они толпой", то "что я мог сделать против профи?" и т. д. Проигрыш – это что-то сокровенное, личное. Что спрятано за семью замками в глубочайшем погребе души, подальше от посторонних глаз. И лишь в редких случаях показывается на свет. Разве что в великосветском обществе таких же анонимных неудачников. Но, что интересно, для признания собственного фиаско (от личностного до досадной импотенции) требуется больше мужества, нежели возносить знамя победы. И, я не знаю, как это ещё назвать, но все те семь замков в закоулках души ещё как сдавливают руки, будто оковы. Словно вешая один за другим из семи (а ведь где-то ещё это смертное число упоминалось, не?) сковываем не проблему, а себя. Стыдась, что не удалось. Стыдась, что не победили. Или не доказали. И чахнем в собственноручно отстроенный клетках, даже не понимая, что превосходство есть и в поражении.

Подобные размышления не давали мне покоя и сейчас – под тёплым полуденным майским солнцем. Пацаны все до одного поддались сонной полдничной неге и развалились на газоне кто где. Не было желания даже трепаться языком. Я, как главный из обормотов, примостил пятую точку на разогретый весенним солнцем парапет и будто возвышался над распластанными телами. Рядом с моим ботинком была башка Сани, сорвиголовы и агрессивного анархиста, который во-

преки своему характеру пригвоздил задумчивый взгляд к небу. Разбитыми губами он жмякал стебель какого-то сорняка и словно бы пережёвывал что-то своё. Дородная туша Роды, полусидя, горбилась по центру, слева от Сани, загораживая тому солнце. Но оба, странно, молчали, когда как в другое бы время сцепились из-за этой по*боты. Сегодня Родя казался не в себе, будто случайно раздавил наемни огромной ногой (шутка ли – его рост под два метра!) какое-нибудь крохотное создание. И только Боря пытался занять себя тупорылой шуткой: лёжа на спине елозил руками-ногами по траве – изображал снежного ангела. Хоть молчал и на том спасибо! Один Стас стоял особняком поодаль – на стрёме. Там ему и место.

Приятная минутка покоя. Давно ли она меня настигала? Круговерть последних месяцев не давала даже продохнуть. Подумаешь, разбой? Не попался б с дуру, наслаждался бы предвкушением беззаботной поры каникул. А так успел изучить каждый закуток местной ментовки. Гады всё таскали, да разбирались – скока можно?! А потерпевший, тупорылый ублюдок, ни с того ни с сего запутался в своих же показаниях. Ничто иное, как влияние моего отца. Настоящего, а не того жалкого очкастого ничтожества, что подкатило свои потные бубенчики к моей матушке пару лет тому назад. Этот ещё вздумал заниматься моим воспитанием, представляете?! Более неловких потуг я не видел с тех времён, как Стаса напоили пургеном и заперли в женском. Настоящего

батю я уважаю. Вроде он какая-то важная шишка, но это тут совсем не причём. Просто есть с чем сравнивать.

Ладно, с нападками выкручусь. Явление временное, и себя в чём-то ограничивать вовсе незачем. Тем более, когда всё внутри кипит и пенится. Юношеские эмоции – вот что с них взять? Да и как с ними совладать, если масла в огонь подливала Наташа? Первая красавица, умничка и спортсменка. Она как лакомый кусочек для любого победителя. Но, боже, сколько же вокруг неё вьётся мрази! В таком количестве терялся даже Я. А она всё равно молодчинка: на дешёвые трюки не велась, с уродами не путалась. И как красиво расставила приоритеты: только учёба, только карьера, только хардкор. Её недоступность меня только раззадоривала. Даже в самой глухой лавке под опущенными жалюзи есть прореха. Всего-то найти, где подковырнуть...

Главное – не про*бать свой шанс. Сезон, и ту-ту, любимая, успехов освоить новый ВУЗ в новом городе! Потому я включил обаяние на полную. И если бы не менты, она уже давно бы нежилась в моих объятьях. "Сходим куда-нибудь? Скажем... ай, чёрт, не получится, надо матушке подсобить (считай, плестись на очередные милицейские смотры)" – и всё в том же духе. Ну ничего, хоть разговорились. Хоть не гасилась от меня, не пряталась. А мог ли я со своей кипящей кровью довольствоваться разговорами? ЩАС! Мне подавай близость со всеми интимными подробностями. А подумать, я и против романтики не имел ничего. Скажем там, целый

день проводить рядом, гулять под ручку, вдыхать нежный аромат её тёмных прядей, касаться губами тонкую шею, ласкать оформившиеся бугорки груди, стискивать в объятьях стройную талию. Чёрт, даже подумать, представить – верх возбуждения! А испытывала ли подобную телесную радость она? Не думаю. Единственно, кого подмечал в компании Наташи, так это её подругу. Могла ли она с ней? Не, девчонки явно не из того лагеря.

Говорят, девушки выбирают в подружки страшеньких. Дескать, чтобы на их фоне выглядеть выигрышнее. Это не про Ксюшу. Та была хороша собой, хоть и чересчур охотлива до внимания. Блондинка с приятными лицом (маленький вздёрнутый носик, гладкие щёчки), тоненькая до заманчивой хрупкости, разве что формы разительнее выделялись, нежели у Наты. По-хорошему, это у неё должна быть страшенькая подружка. Наташа, не знаю, казалась милее и обаятельнее: черты лица аккуратнее (ровный, почти греческий носик, проникновенные голубые глаза, пухленькие губки), манеры сдержаннее, голос слаще. Такое подмечал не только я. Среди старшеклассников нет-нет, да разгорались споры о том, кто привлекательнее. И хотя первенство школьных красавиц возглавляли они обе, голоса в пользу Наты перевешивали. Я подмечал эти диспуты, будучи учеником тех же учебных стен, но на год младше. Стоит ли говорить, что с результатами голосований был более чем солидарен?

Тема женского соперничества, – совершенно отдельная и

душещипательная, – в случае Ксюши и Наты, как ни странно, никогда не поднималась. По крайней мере на публике. А может и совсем у них не было споров? Ну, там чистое взаимоуважение, без примесей корысти и тщеславия. Если это так, то они действительно достойны тех дифирамб, как минимум, как представители исчезающей породы искренне прекрасных личностей. Хотя всё-таки поспорить можно. По некоторым слухам (не ручаюсь за них), Ксюша успела нагулять солидный сексуальный опыт. Может злословцы, а может не всё так прекрасно в датском королевстве.

Честно, мне было пофиг на Ксюшу. Её доступность как-то не прельщала. Да и мысли о Наташе в этот полуденный час стоило отодвинуть на второй план. Главным было дело. Пускай, что наводка казалась сомнительной – выбирать не приходилось. Время рабочее, улицы пусты: почему бы и нет? Вопросы совести меня никогда особо не волновали. Спрашивается, зачем бы я тогда развёл тут нудятину про превосходство? Для себя я всё рассудил, сомнения оставьте сопляжкам. Последствия? Выкручусь. Выгода? В чистом виде. Будет на что Нату куда-нибудь сводить. Пока сезон в разгаре.

Под ботинком хрустела пожухлая прошлогодняя трава. Сквозь неё, уже истоптанными, пробивались зелёные иголочки новой. И ведь всё тянулись и тянулись своими несмелыми кончиками вверх, к жизни, в которой им лишь и суждено, что комкаться под тысячами подошв, рваться от газонкосилок, тонуть в потоках мочи и мусора, и чёрт знает,

что ещё. Но они, наивные и глупые, всё равно радовали мою неуёмную душу. К тому же и воздух постепенно наполнялся цветочным ароматом – главным вестником весны. Крохотные бутончики одуванчиков любопытными жёлтыми глазками пронизывали зелёно-коричневую лужу газона. Идиллия, которая не могла длиться вечно.

– Пацаны, – просипел Саня, – как думаете, а своих родаков как-нибудь можно ментам сплавить? По любой какой-нибудь статье, у них-то наберётся. Только так, чтоб мне хата досталась, а не детдом.

– Не надейся, бандит, – вставил свои пять копеек Боря, – больно жирно тебе будет. Тут схема отработана, тока не истцом, а государством. Халявные квартиры на дороге не валяются. Да, Родя?

Громила Родион теребил в руках тряпичную бандану "Metallica" и молчал. Какая-то мутная история случилась у него дома, которой делиться он категорически не хотел.

– Родя, ты чё там ссутулился? Дрочишь? – Боря нарывался. Ничего не обычного, со своим острым языком он любитель поймать кулак мордой.

– Отстань, гомик, – сухо бросил Борису Родя, – не до тебя сейчас.

– Офтань-офтань, – передразнивал брезгун, – а чё не в школе, а? Давно трёпки от мамки не получал?

– Сам-то, а? – вклинился Саня. – Моим на меня до фе-ни. Чё хочу, то и делаю. А ты, маменькин гомосек, сам не

боишься ремня по нежной жопе за прогулы?

– Да что ты пристал?! Не видишь, болею! Бронхит когда-нибудь до могилы меня доведет! – Боря с придурью изобразил кашель.

– Ну ты калич! Вань, нафига мы гриппозных при себе держим? – не успокаивался Саня. – Кстати, интересно послушать, как ТЫ от уроков отмазался?

Я широко улыбнулся и обвёл своих кретинов высокомерным взглядом. И глухо, будто мне впадлу даже открыть рот, сказал:

– У меня, в отличие от вас, ребятки, всё схвачено. Я договорился. Оценки в порядке, успеваемость тоже. Я просто выпросил внеочередной выходной.

Пацаны недоумённо переглянулись и рассмеялись.

– Как это выходной? Чё, так можно было? – похоже, Боря не особо мне верил. Да и хрен с ним – не считаться же с придурком.

– Можно, если ты себя проявишь с нормальной стороны, а не как тупорылое чудовище, – я с прищуром взглянул на Бориса. – Договориться можно всегда, если есть о чем договариваться.

Можно было бы и дальше развивать демагогию, но нас прервал запыхавшийся Стас:

– Идёт!

Родя грузно поднялся, наматывая на лицо сморщенную физиономию Хэдфилда. Кто-то из парней повторил проце-

дуру банданами с другими деятелями зарубежной культуры, кто-то ограничился носовым платком. Суставы хрустели, онемевшие ноги растрясывались. Залежались. Вдруг Родион потянул из пожухлой кучки какую-то здоровенную корягу. Я взглядом дал ему понять, чтобы он отбросил её куда-нибудь подальше. Убийство в мои планы не входило. Что это на него нашло?

Улицы всё так же были пусты. Солнечные лучики с весенним задором заполонили спальный, даже провинциальный район большого города. Ветвистые берёзовые прутьики застенчиво пестрили первыми набухшими почками. По проезжей части ветер гонял мелкую пыль. Ленивые кошки стайками облюбовали подоконники и козырьки, искоса поглядывая на без умолку галдевших птиц.

За углом, в тени придворовой арки мы затаились все скопом. По ступеням пристройки к ломбарду, вопреки приличиям располагавшимся на первом этаже жилого многоквартирного дома, спускалась нарядная пожилая дама. Старания, с которыми она так прихорошилась для ушлых торговцев поддержанных ценностей, достойны восхищения. Её седые волосы были аккуратно уложены и подвязаны зелёным платком; макияж заметен, но в глаза не бросался (кто сказал, что женщинам советской закалки чужды современные средства ухода?); кружевная шаль прекрасно сочеталась с чёрной жилеткой и бирюзовым узорчатым сарафаном. Совершенно уверена, что такой прикид был для неё будничным. Все-

таки хотела выделиться на фоне наркологов, воров и банальных пьяниц и, возможно, за заложенные вещи выторговать чуть больше. В какой-то мере мне было её немного жаль.

По одному, в вразвалочку мы выползали из тени и разбрелись вокруг Дамы. Дескать, мил женщина, отступить некуда, давай по-хорошему. Страх в её глазах внезапно сменился упрямством – она и вправду собиралась нам дать отпор:

– Эй, а ну-ка?! Чехо эт вы? Давайте-ка отседава! Разбегайтесь, разбегайтесь, нечехо вам тут делать! Пока я милицию не вызвала!

Первый шаг бывает труден. Шажок в пропасть, неуверенный побег, чистый лист перед пластом нелёгких размышлений, или вот силком вырвать сумку из цепких старческих рук. Последнее необходимо было сделать без раздумий. Тем более мне, как ведущему – ведомые без лидера могут запросто разбежаться как стадо баранов. Но я почему-то мешкал. Вроде даже стало немного жаль женщину. А кому бы было не жаль? Неприятная совестливая крупца проявилась так некстати! Пришлось на полную задействовать волю – пересилить себя. Да только замешательства уж было не скрыть. И вдруг Родион, воспользовавшись заминкой, со всего могучего плеча зарядил бабуле в челюсть. Такого не выдержал бы даже я, что уж говорить о даме. Она повалилась на бок, подобно грузному мешку с картошкой. Саня от чего-то захохотал, сверкая безумным блеском в карих глазах. Затем наподдал с ноги женщине в живот. Узнаю, засранца. Затягивать

безобразия было никак нельзя, и я рывком выдернул сумку из обмякшего кулачка. Действие заняло не более минуты, но лично мне хватило. Машинально я выпотрошил сумку, собрал нал (куш и вправду выдался немалый) и рявкнул: "ВАЛИМ!"

Бежали отдельно, дворами. Спустя минут двадцать встретились в обозначенном месте, подальше от места преступления.

– Точно хвоста ни за кем не было? – озабоченно поинтересовался я, когда все оказались в сборе.

– За мной один идиот увязался. Я ему наподдал так, что тот отстал, – сказал Саня и правой, опухшей рукой смахнул с лица носовой платок. Сам он, блин, идиот – сорвать и выбросить самодельную маску надо было ещё по пути сюда!

– И никто из вас, придурков, ничего не заметил? – со злостью прошипел я. Вместо ответа пацаны потупили глаза. – Почему она не кричала? Ее грабили среди бела дня, а она даже не пискнула!

– Успокойся, Вань, – отозвался Родион. – Да это бабка моя. И, по ходу дела, меня узнала.

После вчерашнего, или наручники, труба

«Если за печатную машинку

посадить обезьяну,

то может быть она начнёт печатать»

Работник зоопарка

Вот скажите мне, на свете есть ли счастливики, которым незнакомо чувство страшного похмелья? Специально для них хочу поделиться, так сказать, внушить "радость". Во-первых, больная голова. Словно молотком погладили. Потом, во рту как будто пробежалось (и насрало) стадо тараканов. Тошноту не залить ни водой, ни "смектой". Мышцы ноют и как смазанные машинным маслом. И наконец – настроение. Если вчера что-то казалось интуитивно логичным, то сегодня это что-то воспринимается никак иначе, нежели катастрофическим провалом! За пьяные мысли, волю и эйфорию приходится расплачиваться следующим днём. Всем без остатка. Закон компенсации в действии. Но я никогда не замечал огромную похмельную радость, если уж сложилось: проснуться дома. Контрастный душ или горячая ванна немного облегчат симптомы. А с предусмотрительно запаса́нным кефиром в холодильнике вообще можно жить! Или там пивком опохмелиться – дык вообще запросто замять, забыть или залить последствия вчерашнего. Если не занесёт до продолжения банкета. Так или иначе, в уютных стенах проще простого оставить любую глупость за чертой пьяных снов. Но сегодня я оказался в крайне неудобной и удручающей ситуации. Да что говорить – до немого ужаса!

Тело пронимала дрожь. То ли от того, что практически голый, в одних трусах сидел на холодном полу, то ли от намеренно выпитого, то ли от вида трупа на расстоянии вытянутой руки. Это шутка, да?! Чья-то злая шутка?! От вида мертве-

да вывернуло наизнанку. Подстава! Ну явная же подстава – вон, и пистолет подбросили. Под правую руку. Как же я так попался?

Порывался сбежать, да не вышло. Прикован к трубе наручниками! Мда, крепко за меня взялись... И куда же приволокли? Обычная кухня в обычной засаленной хрущёвке. Оригинальней апартаментов не нашлось? Если бы всё происходило по сюжету плохого детективного фильма, то с минуты на минуту должны были бы явиться копы. Ну, кино есть кино – глупые выдумки на потеху зрителю, с реальностью они не имеют... За окном прошмыгнул сине-красный отблеск. Чёрт! Зачем им проблесковый маячок в такую рань?

Шум моторов будто бы нарастал с двух сторон. Затем один потух где-то вдали. Разъехались. Второй протарахтел совсем рядом, под окнами и утонул в глухом визге тормозов. Попался! Может всё так гладко подстроил кто-то из парней? Боря? Стас? Этот, как его, Кирилл?

Нет, так просто меня не взять! Я опробовал трубу на прочность. Поддалась. Глупые мысли лезли в голову: а вдруг обознался, и там не менты? Щас, держи карман шире! Стоит лишь повертеть головой – оглядеться, чтобы понять: нет, там силовики, и никто иной шаркал по лестнице по мою душу. Те не торопились. Может спросонья, может побоялись спугнуть. А может заранее знали, в каком состоянии меня найдут. А вот хрен вам! От ментов я приноровился драть когти ещё в юношестве. Знаем их уловки. Дайте только отцепиться

от трубы!

Привинченная к кронштейну часть трубы расшаталась. Недобрый запах бытового газа. Плевать. Ещё рывок, ещё всего один...!

Стук в дверь:

– Откройте, полиция! – спасибо, что сообщили, я уже понял.

Отстала. Бам, дзинь! Советским-то металлом, да по советской газовой плите. Теперь побег! А для побега оружие лишним не бывает. Подобрал ствол. Дощатый пол задрожал от тяжёлого удара ногой по двери. Штурмовали. Куда дальше, в окно? В окно. Но не в это, не в кухонное – то смотрело в сторону патрульной машины. А там наверняка патрулировал на всякий один из этих. Так я уже по молодости попался. Сорвался как ужаленный в жопу ежом к противоположному. Краем глаза оценил убранство квартиры: мрак! Пробегая мимо входной двери, припустил от второго удара с той стороны. Замок хлипкий. Третий скорей всего не выдержит.

Окно оказалось заперто на проржавевшие щеколды. Может просто разбить? Весь изрежусь об осколки. Давай, чёрт тебя дери, открывайся! Есть! За спиной очередной удар вырвал "с мясом" замок. Но дверь не распахнулась – повисла на небольшой цепочке. Ой, ты ж моя радость! Я из окна. С маху не получится – всё переломаю. Пускай, что этаж второй. Зацепился за край, свис... мгновением позже пропахал белоснежный задом от CalvinKlein обгаженные зелёные островки

палисадника. Две денничных бабульки на лавочке невдалеке испуганно на меня уставились.

– Муж ее из командировки вернулся, – бросил им, не глядя, и стрем глав втопил как можно дальше от этого места.

Всё думал: перебежать дорогу, нет? Показываться на открытом пространстве опасно, зато точно скроюсь. С этой же стороны меня может ждать всё что угодно. От одного из силовиков до целой подмоги. Рискнуть? Ай, была-не была.

Я, неотёсанный и зеленозадый, вывалился из кустов пересечь проезжую часть. Тротуар, четыре полосы, и я как на ладони. Каждый звук был мне знаком: заметят, уже не отвяжутся. Ожидал, опасался гнусавых выкриков, воя полицейской сирены, выстрелов в спину. Но раздался... Взрыв!

От неожиданности подкосились ноги. Все локти и колени ободрал об неровный асфальт. Ведь взрыв – это плохо? Или нет? Ну, растянувшись на дороге, размышлять об этом было как-то несподручно. А вот бежать, бежать, сломя голову в такие манящие, желанные спасительные густые кусты, подальше от лишних глаз – другое дело! И лишь там, переводя дух в объятых шиповника, нашёл в себе смелость обернуться. Из злополучного окна на втором этаже валили черные клубы дыма.

Взрыв наверняка поднял на уши всю улицу. Задерживаться тут не стоило. Я осторожно, словно неуклюжая тень нырять по кустам и затемнённым куткам, беспрестанно оглядываясь. И если голые ободранные колени могли кого-то немно-

го смутить, то наручники и пистолет – совсем. Попадаться на глаза было опрометчиво, по крайней мере сейчас. Да и высиживаться до часа, когда все проснутся и заполонят улицы, тоже. Пришлось всё также примерять на себе роль голозадого разведчика во вражеских тылах.

В каком направлении двигаться, я не имел ни малейшего понятия. Таким темпом легко и на очередные неприятности наткнуться. Стоило осмотреться. Исколотые колючками руки переставали слушаться. Ступни онемели – это августовское утро выдалось холодным. Тело донимала мелкая дрожь. Зябко. Но инстинкт затравленного зверя продолжал гнать меня дальше. Пока башкой я чуть не угодил в открывающуюся дверь случайного подъезда. Благо успел среагировать.

Мужик, низкорослый и небритый, с заспанными глазами неспешно прошагал к лавке, присел и закурил. Дверь он оставил открытой нараспашку – за ней я и затаился. Несмело выглядывая на прохожего, я совершенно не знал, что предпринять. Право, не угрожать же ему! Чего я добьюсь? Попросить закурить? Курить не хотелось. Одолжить одежду или попроситься укрыться? Где гарантии, что он меня не сдаст? Убежал я не так далеко от места взрыва. А если именно он его и разбудил? Надёжнее было не показываться. Нам лишние свидетели ни к чему.

Стоило мне об этом подумать, как затряслись руки. Нервное перевозбуждение. Брякну хоть разок оковами или ору-

жем, моему тайному присутствию конец. Отвлечься; непременно стоило на что-нибудь отвлечься. Да хоть бы и на х*й стене. Или вот на ствол. Интересно, чей он? Знали ли те, кто всё это подстроил, что я и сам держу при себе оружие? Запарились ли взламывать мой Крузер, чтобы найти его там? Табельный номер Макарова я не помнил – так, только три-четыре цифры. Как бы там ни было, те цифры сошлись. Но это же ничего не доказывает, так?

Оранжевый уголёк пролетел рядом со мной и врезался в стену. Крохотные искры крохотным салютом взвились и потухли. Мужик, не видя ничего перед собой, отправился обратно к себе. На меня не взглянул. Может и вправду не заметил, а может не захотел.

Кустовой марафон продолжался! Только менее ретиво, более осмотрительно. В каждом мини-убежище я поднимал голову вверх, надеясь найти опознавательные таблички. Номера домов мне ни о чём не говорили. К сожалению, улицы тоже. Эх, под руку бы навигатор!

Знаю, не лучшая обстановка для размышлений, но, чёрт подери, до чего же всё это невероятно! Взрыв, менты, труп... Я словно сидел на сеансе тупого боевика, порываясь подняться с места с криком: "Не верю!" Мда, не поверишь тут... Впрочем, не сказал бы, что экшн и спецэффекты мне не нравились. Только больно страшно было за глав героя. Оттого-то и верить не хотелось, что за углом его может ожидать ещё какая-нибудь дрянь. А подумать, так покруче офисных

пьянок и посиделок с партнёрами в баньке с очаровательными бабочками. Нет, так-то тоже весело, но наскучило. Круговорот пороков. И всё из одного к другому, и по спирали. И словно бы кроме них ничего и не нужно. Идеальные ценности власть имущих. Но здесь и сейчас, беглецом в трусах, я ощущал, что жизнь со всем её пластом чувств: желаний, инстинктов, воли и даже любви (пускай и к себе) гораздо более многогранна. А капризы, пороки, вождение – лишь красочные декорации дешёвого детского спектакля, где героини изжёвывают не оформившейся дикцией диалоги из трагедии Шекспира, ничерта в них не понимая.

На моё счастье, больше мне никто не попадался. И вот за кронами показалась знакомая вывеска. Ну как знакомая, – где-то вроде на неё натыкался. Так, стоп, намерен ж проезжал мимо тех "Метизов"! Подумал ещё, саморезов бы купить, полки подкрутить. Но тормозить не стал – торопился... на тусовку Стаса... Если тот бар в десяти минутах езды, а Стас так скуп, что дальше своего района не высовывается – не платить за общественный транспорт, то... Здравствуйте, ребятки, значит, вы полностью оккупировали эту территорию? И я действительно на вашем участке? Надо было меня сразу в расход пускать, а так завели козла в огород! Большой город, выходит, не такой уж и большой.

Ну точно! Шилина! Впереди перекрёсток на Будёнова, там направо и к бару. А в конце Шилина конура Стаса. Минут двадцать по прямой трусцой, и я на месте. Главное те-

перь – в конец не отморозить пятки и задницу. Зато есть повод притопить.

Интересно, думал я в пути, за какую сумму Стас меня сдал? Зуб даю, немногим больше полугодовой ставки, которую Я ему платил. То есть за копейки. Иуда. Интересно, этих средств ему хватило расквитаться с долгами? Может быть. А вот задобрить жену и детей, уже вряд ли. Какого чёрта эта жалкая тварина вообще обзавелась потомством? Был же нормальным мешочком для битья, без каких-либо перспектив, но нормальным. И вот теперь: "сам понимаешь, семью кормить", "а что ты хочешь – у меня жена, дети?" Слышал раз сто, и вот снова услышу. Когда буду выбивать из него всё дерьмо! Любопытно, кого из конкурентов он назовет? Монстрстрой? Стройпромбред? Смуэлит? Скорей Краспилл – насколько я знаю, именно они этот район облюбовали. Столкнулись со мной потому, что мы границ не приемлем: работаем на полную и по всему городу. А для Стаса даже удобно. Далеко ходить не надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.